

Хладнокровные существа, вечно обитающие во тьме, всегда тоскуют по свету, однако, поскольку солнце палит слишком нещадно, они предпочитают прятаться в тени. Но стоило приблизиться теплу из такого же мрака, как они тут же, не задумываясь, цеплялись за него изо всех сил.

Поступки Цзин Су вызывали у Ши Цяня и подозрения, и растерянность, и колебания. И всё же Цзин Су стал первым, кто подарил ему ощущение дома, тем, кого он признал по-настоящему. Будь то в роли члена семьи, близкого друга, защитника или кого-то еще, Цзин Су властно вторгся в его сердце и занял в нем немалую часть. По крайней мере, сейчас Ши Цяню казалось, что при сохранении собственных принципов он может доверять ему без остатка, а потому был готов явить Цзин Су свое истинное лицо. Без налета злобы и мрака, без маски показного дружелюбия — лишь он сам, настоящий, тот, кого давным-давно загнали в самый дальний угол.

Будет ли от этого больно — Ши Цянь даже не думал. Пробыв Повелителем Демонов столько лет, он впитал до мозга костей свойственную адептам Пути Демонов привычку жить по велению сердца. Если он решил довериться, значит, был полностью готов к предательству. К тому же Цзин Су — особенный. Сам не заметив когда, Ши Цянь пришел именно к такому выводу.

Большая теплая ладонь вновь мягко коснулась его головы. На этот раз Ши Цянь не напрягся, как прежде, а послушно потерся о нее, издав про себя тихий вздох. Разве он сейчас не просто ребенок, потерявший родных и имеющий лишь одного наставника, которому может доверять?

Как и предполагал Ши Цянь, отбор успешно прошли ровно пятьдесят человек. Среди них Лань Тянь обладал самыми выдающимися природными задатками, а Белая Лилия и тот щеголеватый юноша в роскошных одеждах, что ранее докучал ей, оказались лучшими среди новобранцев секты Тяньлин.

Цзин Су поднялся первым, бросил взгляд на новых учеников внешней секты, которых выстраивали для отправки на пик Тяньлу, и слегка кивнул Ши Цяню:

— Пойдем.

На этот раз Цзин Су не позволил Ши Цяню плестись позади, а дождался, пока тот поравняется с ним, и они пошли бок о бок. Это позволило Ши Цяню чуть повернуться и беспрепятственно наблюдать за выражением лица Цзин Су. Стоило признать: даже в профиль Цзин Су обладал внешностью, способной очаровать кого угодно. Его лицо, будто выточенное искусным мастером, было лишено малейших изъянов; глаза — глубокие и чистые, как омут; высокий прямой нос с нынешнего ракурса казался еще более рельефным, а едва заметная усмешка на чуть тонких губах заставляла терять рассудок.

— Что такое? — Цзин Су уже давно заметил, что Ши Цянь разглядывает его, и в душе невольно позабавился. Сначала он и не подозревал, что у его ученика есть привычка пялиться на людей в задумчивости, тем более что это происходило далеко не впервые.

— ... — Ши Цянь резко очнулся, и в его глазах мелькнула тень смущения, но он понятия не имел, что ответить. По правде говоря, он никогда не был падок на смазливые лица. За все свои три жизни, включая нынешнюю, он всегда обладал неплохой внешностью — пусть и не превосходящей Цзин Су, но и не уступающей ей. Красавцев он повидал немало, но еще ни один не заставлял его вот так терять голову от созерцания.

Заметив порозовевшие мочки ушей юноши, который делал вид, будто сохраняет невозмутимость, и поспешно отводил взгляд, Цзин Су наконец не выдержал и тихо рассмеялся.

Услышав смех Цзин Су, Ши Цянь помрачнел. Разумеется, судя по тому, как хорошо он успел изучить Цзин Су, тот наверняка сделал это нарочно. Сначала он просто растерялся, но теперь, поразмыслив как следует, понял: та история с леденцом и недавний случай с мальчиком-служкой в Цзюминьлоу, скорее всего, тоже были подстроены Цзин Су. Впрочем, какое бы выражение ни принимало его лицо, на душе у Ши Цяня не было ни малейшего раздражения.

— Держи.

Он как раз думал о том, что его нынешний настрой несколько странен, и еще не успел толком разобраться в своих мыслях, как увидел протянутый Цзин Су предмет.

Это была миниатюрная, до невероятности изящная модель башни, от которой исходила характерная для артефактов духовная энергия. Ши Цянь изумился: он, конечно же, узнал эту вещь. За исключением размеров, она точь-в-точь повторяла Цзюминьлоу, и если его глаза не обманывали, на пятом этаже этой модели находилось еще одно, совсем крошечное и детальное здание внутри здания — Павильон Вознесения.

Когда Цзин Су успел заполучить их? Повертев в руках пару связанных артефактов и так и эдак, Ши Цянь вопросительно посмотрел на Цзин Су.

— Эта вещь досталась мне в ранние годы. А теперь я вижу, что она тебе по душе, так что дарю ее тебе, — Цзин Су потрепал мягкие волосы младшего ученика, обнаружив, что это движение стало доставлять ему особое удовольствие, и, слегка изогнув губы, небрежно пояснил.

— Благодарю наставника. — Раз уж Цзин Су раскусил его намерения, Ши Цянь не стал отпираться и решительно вплеп свое духовное сознание в этот бесхозный артефакт — как раз хотелось досконально изучить принцип работы парных соединенных сокровищ. Что же до Секты Тяньлин, лишившейся артефакта для испытаний? Пусть об этом голова болит у Чэнь Ци; он ни за что не поверил бы, будто в Первой великой секте существует лишь один способ отбора учеников — это, пожалуй, был самый простейший метод из всех. Вспомнив заплаканный, обиженный вид Чэнь Ци, Ши Цянь прищурился и быстро спрятал башенку.

Дальнейшие события развивались с неожиданной легкостью: Ши Цяню даже палец о палец ударить не пришлось, как он заполучил Цинлинхуань — нефритовое кольцо. Началось всё с того, что Лань Тянь пришел разбираться с Белой Лилией и едва не вздумал обыскать девушку на глазах у толпы. Каким бы скверным ни был нрав Белой Лилии, она всё же оставалась

девчонкой лет десяти с небольшим, разве могла она одолеть рослого, развитого юношу? Поняв, что притворяться слабой бесполезно, она незаметно швырнула вещь куда глаза глядят, и та угодила прямо к ногам Ши Цяня.

И впрямь, легкая добыча. Ши Цянь бегло взглянул на вещь в руке: зеленое нефритовое кольцо, нанизанное на серебряную нить, было искусно украшено вырезанным узором в виде лазурного дракона и приятно холодило ладонь. Подобрал его, Ши Цянь тут же спрятал кольцо в пространственное кольцо. Вернуть ли вещь законному владельцу? Простите, но у Ши Цяня отроду не было таких понятий. Что бы ни попало к нему в руки — пусть даже не принесет никакой пользы, — эта вещь принадлежит ему. Захочешь вернуть? Потрудись предложить равноценный обмен.

Цзин Су, наблюдавший за всем происходящим, едва сдерживал улыбку. Он никак не ожидал, что его всегда столь зрелый ученик способен на такие шалости.

Пик Тяньлу служил местом тренировок для учеников внешней секты Тяньлин. Из-за их многочисленности этот пик являлся самой обширной из всех горных вершин секты. Ради более успешных занятий культивацией новичков расселяли попарно со старшими учениками, поступившими в секту в предыдущие годы: это не только помогало в обучении, но и укрепляло товарищеские узы.

Яростно растирая в порошок целебные травы под своей ступкой, Лань Тянь чувствовал, что за те три месяца, что он провел в секте, не было ни единого дня душевного покоя. По идее, обладая превосходными природными данными и входя в число лучших среди новичков, он должен был купаться в лучах славы, окруженный всеобщим вниманием.

Но всё оказалось с точностью до наоборот. Мало того что его напарник по комнате вел себя холоднее льда, так он еще и то и дело вставлял палки в колеса. Ладно бы только это — днем, кроме ночлега, Лань Тянь почти не бывал в келье. Беда в том, что распорядитель работ определил его в Долину Трав толочь коренья, причем требования предъявлял донельзя чудные и каверзные. Лань Тянь измотался до предела, каждый день возвращаясь в жилище заноза занозой, в глубоких сумерках, и его измученное тело уже не находило сил на культивацию. Из-за этого за столь долгое время он в своем прогрессе безнадежно отстал от той же Белой Лилии с обычным водным корневищем и от того щеголеватого юноши Фан Тинга. Каждый раз, когда они красовались у него на глазах, Лань Тяню до зубовного скрежета хотелось съездить им по физиономиям, да только сил тягаться с ними у него пока не было.

Терпеть, он обязан терпеть! Уговаривая себя подобным образом, Лань Тянь засыпал высушенные травы в желобок пестика и со злостью обрушивал тяжелую толкушку, издававшую глухие удары.

Не будь он совершенно незнаком с внутренними порядками секты Тяньлин, Лань Тянь непременно решил бы, что кому-то перешел дорогу. Но хотя клан Лань и входил в число двенадцати великих семей мира бессмертных, он располагался за тысячи ли от Тяньлин — как ни старайся, а насолить кому-то здесь было невозможно. К тому же перед лицом людей из столь грандиозной секты представители их мелких кланов трепетали от благоговения, почитая

за счастье принять их как самых дорогих гостей; кто в здравом уме рискнул бы нажать себе здесь врагов?

— Черт побери! Больше не намерен терпеть! — сплюнув, Лань Тянь исказил лицо в гримасе. Он прибыл сюда учиться бессмертию, а не работать мальчиком на побегушках! Если так пойдет и дальше, он за всю жизнь не сможет пробиться во внутреннюю секту, не говоря уже о том, чтобы стать учеником, передающим личное мастерство.

Он с размаху швырнул пестик на каменное углубление, раздался звонкий треск, и оружие раскололось надвое. Половинка отлетела прямо в Лань Тяня, больно ударив в грудь — увернуться он не успел, отчего разъярился еще сильнее.

Ши Цянь появился в Долине Трав как раз в тот момент, когда Лань Тянь, схватившись за покрасневший лоб, комично подпрыгивал на одной ноге.

— Ты и есть Лянь Юань? — без особого удивления заметив, как Лань Тянь мгновенно окостенел при звуке его голоса, Ши Цянь изогнул губы в улыбке.

Сегодня выдался свободный день, и он заглянул в Долину Трав по поручению Дуань Юя — забрать корм для Сяо Лана, никак не ожидая застать столь занятную сценку. Ши Цянь, конечно, знал: стоило ему отдать распоряжение, как смотритель внешней секты перестанет жаловать Лань Тяня. Изгнать его из секты не получится, но отравить жизнь — вполне. Правда, Ши Цянь полагал, что характера Лань Тяня хватит на куда более долгий срок, но тот сломался всего через три месяца, что шло вразрез с поведением главного героя в оригинальном романе.

Стоит признать, созерцание того, как бесится обычно заносчивый тип, доставляет немалое удовольствие. Уголки губ Ши Цяня приподнялись еще выше: похоже, придется немного ускорить осуществление плана.

Лань Тянь лишь спустя мгновение сообразил, что его духовное имя — Лянь Юань. Повернувшись к подошедшему юноше в белых одеждах — красивому, с мягкой улыбкой и отчего-то смутно знакомому, — он недоверчиво спросил:

— Вы?... Мы случаем не встречались раньше?

— Мое духовное имя — Чэнь Бай, — на губах Ши Цяня заиграла многозначительная улыбка. — Мы как-то сидели за соседними столиками в Цзюминьлоу, помнится, с нами была еще одна девушка.

Услышав духовное имя собеседника, Лань Тянь на секунду замер. Он никак не ожидал, что этот юноша, на вид ровесник, стоит на стольких ступенях выше него по иерархической лестнице. Тут же вспомнив ту лицемерную девчонку, он почувствовал, как в груди шевельнулась злая досада. Судя по прошлой встрече, этот юноша обладал на редкость добросердечным нравом, да и происхождение, судя по всему, имел не из простых — идеальный объект для завязывания нужных знакомств. В мыслях пронеслись тысячи расчетов, и когда

Лань Тянь поднял голову, на его лице застыло почтительное выражение:

— Младший дядя-наставник, Лянь Юань приветствует вас. Осмелюсь спросить, по какому делу младший дядя-наставник пожаловал сюда?

Обращение Лань Тяня пришлось Ши Цяню весьма по вкусу. Разумеется, как бы искусно Лань Тянь ни прятал свои истинные мысли, Ши Цянь все равно разглядел за этим расчёт. Впрочем, его это мало волновало: бросив взгляд на раскисанные кругом травы, он одарил Лань Тяня самым «доброжелательным» из своих улыбок:

— Я пришел за целебными травами.

Вспомнив серебряного волка, который обычно увивался за ним хвостом, но стоило заикнуться о походе за травами, как он мгновенно дал дёру, Ши Цянь мысленно покачал головой: видать, животину порядком задолбали ежедневные травяные обеды. За эти дни малыш, помещавшийся прежде на ладони, вымахал почти до самого пояса Ши Цяня, а когда вставал на лапы, и вовсе сравнивался с ним ростом. Впрочем, судя по описаниям в оригинале, до зрелого возраста серебряному волку было еще далеко: взрослые особи достигали ростом с плечо взрослого человека, а на шее у них отрастала густая грива из белого пуха.

— Ученик немедленно соберет все для младшего дяди-наставника. Это для духовного зверя? Не подскажете, сколько именно требуется? — Раз уж Лань Тянь решил завязать полезные знакомства, он, разумеется, не собирался оплошать перед Ши Цянем. Проработав в Долине Трав столько времени, он поднаторел в деле и по крайней мере не путал виды растений и не губил ценные травы неправильным сбором, из-за чего его и без того скудные запасы духовных камней постоянно урезали.

— Для волчонка. Ты его видел, мне нужно на полгода вперед, — неторопливо произнес Ши Цянь, протягивая составленный Дуань Юем перечень. — И вот эти травы тоже.

Лань Тянь взял свиток: длинный список разнообразных трав заставил его лицо на миг окаменеть, но он тут же напустил на себя услужливую улыбку:

— Младший дядя-наставник, присядьте пока, ученику потребуется некоторое время, чтобы все собрать.

По правде говоря, если отбросить такие пороки Лань Тяня, как сладострастие, самомнение и мелочность, его можно было назвать неплохим парнем. Широта натуры, умение выжидать, способность трезво оценивать обстановку — все эти качества превозносились множеством читателей. Иначе оригинал, построенный по канонам гаремных романов о культивации, никогда бы не собрал столь огромную армию поклонников. Глядя на юношу, обливающегося потом на грядках, Ши Цянь почувствовал, как в его сердце зарождается холод, реальный и осязаемый. Главная ошибка Лань Тяня заключалась в том, что он вместе с Хань Лу объединился, чтобы отправить его на тот свет.

Однако действовать рано — он все еще слишком слаб, ему даже вкус мести пока не до конца понятен. К тому же Ши Цянь вовсе не собирался позволить этому парню умереть так просто;

всю ту боль, что он испытал, придется вернуть с процентами. Пусть сей мерзавец вкусит плоды предательства — любопытно взглянуть, какое выражение застынет на его лице, когда от него отвернется самый близкий человек. О, да и боль от уничтожения его клана. Ши Цянь не забыл, как кланы Лань и Юнь сообща вырезали семью Ши до последнего человека. Возможно, под влиянием остаточной жажды мести в душе прежнего юноши Ши Цянь и сам ощущал ту жгучую ненависть и отчаяние; он знал: без отмщения эта навязчивая страсть не угаснет никогда.

— Давно ли Лань Юань трудится в Долине Трав? — когда Лань Тянь почти закончил со сбором, Ши Цянь неторопливо отпил поданного тем целебного чаю и непринужденно поинтересовался.

— Благодарю младшего дядю-наставника, минуло три месяца, — услышав вопрос, Лань Тянь, усердно размышлявший, как бы половчее завести разговор, почувствовал, как сердце сделало лишний удар. Стараясь унять рвущиеся наружу уголки губ, он сорвал еще одну травинку и лишь потом осторожно ответил, про себя предполагая, что чистосердечный Ши Цянь наверняка продолжит расспросы.

— Три месяца? Последний отбор в секту состоялся аккурат три месяца назад, верно? Как же так вышло? Неужели распорядитель внешней секты станет так придирается к новичку?

Точно как и предвидел Лань Тянь, Ши Цянь продолжил допрос, хотя преследовал ли тот иные цели — еще предстояло выяснить.

— Наставник-распорядитель, судя по всему, полагает, что ученику необходима закалка. — Хотя в мыслях Лань Тянь был готов содрать с этого распорядителя шкуру, вслух он изливал лишь благолепие, прекрасно понимая, что и когда уместно сказать, особенно перед лицом столь высокопоставленного юноши.

— Закалка? С каких это пор новоприбывшие ученики нуждаются в подобной закалке? Почему мне ничего не известно о подобных правилах?

Увидев легкое раздражение на прекрасном лице юноши, Лань Тянь подумал, что его ставка сыграла, но внешне изобразил крайний испуг: он опустил травы, отвесил почтительный поклон, и в голосе послышалась паника:

— Младший дядя-наставник, не гневайтесь, во всем виноват лишь ученик, это я никуда не пожусь, оттого распорядитель и...

— Довольно, брось это! Пойдем со мной на пик Тяньлу. Хочу я взглянуть, чего ради они творят такое! Не давать толковому ученику культивировать, а заставить горбатиться в Долине Трав — что за бессмыслица! — Ши Цянь в гневе поднялся с места, взмахнул рукавом и зашагал к выходу из долины.

— Младший дядя-наставник, я... нет же... — Лань Тянь с видом полной растерянности засеменял следом, словно пытаясь оправдаться, но наткнулся на свирепый взгляд Ши Цяня и

был вынужден сникнуть. Он испуганно притих, опустив голову и изображая ангельскую невинность, но в глубине его глаз плясало торжество — до чего же легковерным он оказался! Поспевая за широкими шагами якобы разозленного юноши, Лань Тянь даже не подозревал, что человек, шедший к нему спиной, сохраняет абсолютно спокойное выражение лица — никакого гнева и в помине не было.

Ши Цянь специально ускорил шаг. Разумеется, он не собирался злиться из-за злоключений Лань Тяня. Ему просто требовался повод — повод дать главному герою возможность окрепнуть. В конце концов, раз уж тот носит статус протагониста этого романа, Лань Тянь не мог вечно оставаться слабым; по законам жанра, даже лишившись уготованного шанса, герой непременно найдет иной способ обрести силу. Раз так, не проще ли самому преподнести ему эту возможность на блюдечке? Конечно, Ши Цянь вовсе не добряк, и отвечать добром на зло — не его стиль. Возведение воздушного замка под собственным контролем казалось ему весьма забавной игрой, и он с нетерпением ждал дня, когда тот рухнет.

Всё развивалось точно по расчетам Лань Тяня, развивалось настолько гладко, что граничило с нереальностью. Получив от Ши Цяня высокоранговую технику культивации и флакон пилюль Закладывания Основы, а также лично проводимый до нового жилища смотрителем, который прежде смотрел на него исключительно свысока, Лань Тянь все еще пребывал в некотором оцепенении.

Солнце клонилось к закату, и высокие пики, вздымающиеся навстречу лучам заката, окрасились в багрянец, словно собираясь вспыхнуть изнутри. Грозный крик черного орла огласил покрытые скалами склоны пика Тяньчэн, наполняя их живою силой.

Едва Ши Цянь припарковал летающий меч на площадке утеса Лосин, как со стороны повеяло резким порывом ветра. Ловко увернувшись, он без удивления узрел уже наполовину доросшего до человеческого роста серебряного волка: промахнувшись, тот с жалобным воем шлепнулся на камень, а после для пущего эффекта пару раз перевернулся по земле, вымаливая хозяйскую лалость.

Цзи Инь, кувыркаясь, украдкой косился на реакцию Ши Цяня и, поняв, что на хозяина его трюки не производят никакого впечатления, поник всем телом. Волк с тоской вспомнил те дни, когда был крохой: по крайней мере, тогда за подобные фокусы хозяин мог его и пинком наградить, не то что теперь, когда он вовсе не обращает на него внимания. Чем больше зверь предавался грусти, тем более унылой аурой от него разило. Впрочем, если бы он перестал зыркать на Ши Цяня своими большими изумрудными глазищами, эта скорбь выглядела бы куда правдоподобнее.

— Вернулся? — Едва прозвучал голос Дуань Юя, как волк мгновенно обрел былую прыть и со свистом бросился к нему!

— Да, пойдем. — Кивнув Дуань Юю и передав ему мешок с травами, Ши Цянь больше не обращал внимания на питомца, который, блаженно подставив голову под ладонь Дуань Юя, катался по земле, и первым зашагал к жилищу.

Дуань Юй в последний раз потрепал Сяо Лана по загривку и последовал за Ши Цянем на расстоянии трех шагов, с нескрываемым умилением глядя на все более расцветающего младшего брата. Сам Дуань Юй приходился сиротой королю пламенных волков и состоял в прямом родстве с родом серебряных волков. С самого момента обретения человеческого облика Цзин Су привез его на пик Тяньчэн, и вот уже двести лет он неотлучно следовал за наставником. С какой стороны ни посмотри, называя Цзин Су учителем, он скорее занимал положение ручного зверя.

За все эти годы Дуань Юю еще ни разу не доводилось видеть, чтобы Цзин Су проявлял к кому-то подобную заботу. Точнее говоря, он никогда прежде не замечал, чтобы Цзин Су волновал хоть кто-то на свете: в своем равнодушии тот был жесток. Из-за этого Дуань Юй долгое время не смел выказывать никаких эмоций, смертельно боясь навлечь на себя гнев Цзин Су и лишиться жизни — в конце концов, он не был настоящим человеком, и это происхождение заставляло его проявлять крайнюю осторожность.

Поначалу, когда Цзин Су принес на пик покрытого кровью, потерявшего человеческий вид, но всё еще не растерявшего былого величия юношу, Дуань Юй решил, что наставник действует по сиюминутному капризу. Однако Цзин Су велел ему скормить Ши Цяню пилюлю Подавления Духа, и тогда преданный каждому слову учителя Дуань Юй впервые заколебался. Он, разумеется, прекрасно знал свойства пилюли Подавления Духа: хотя она и считалась сокровищем бессмертного ранга, редчайшим средством для восстановления меридианов, которое не сумели бы сварить даже в секте Цихе, также входившей в число трех великих, — тем не менее, ничего хорошего в ней не было. С точки зрения простой совести Дуань Юю не хотелось пичкать Ши Цяня этой дрянью, но суровая реальность заключалась в том, что выбора у него не оставалось.

В течение трех месяцев после приема пилюли Подавления Духа рассудок жертвы должен был постепенно угасать, пока в конце концов человек не превратился бы в бездумную марионетку, выполняющую любые приказы. Дуань Юй не понимал, зачем Цзин Су понадобилось это делать — перед ним же всего лишь ребенок.

Но дальнейшие события превзошли все его ожидания: под воздействием пилюли юноша не выказал никаких отклонений, а Цзин Су окружил его невероятной заботой, пустив на лечение все взлелеянные за тысячелетие драгоценные травы пика Тяньчэн. Одно время Дуань Юй даже грешным делом подумал, будто пилюля Подавления Духа была фальшивкой, и если бы не прежняя ледяная невозмутимость Цзин Су, он бы и вовсе решил, что его хозяина, которому он верой и правдой служил последние двести лет, кто-то подменил.

<http://bllate.org/book/21128/2143785>